

Сергей Михайлович Соловьев

Прогресс и религия

Сергей Михайлович Соловьев

Прогресс и религия

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22134944

Прогресс и религия: 1868

Аннотация

«...Десять лет тому автор предлагаемой статьи считал нужным вооружиться против нападок на прогресс, которые находил вредными для правильного исторического понимания. Тогда он писал: «К каким невероятным странностям и к какому бесплодию ведет антиисторическое направление и этот буддистский протест против прогресса, это стремление возвратиться к первоначальной простоте отношений, — стремление, обличающее недостаток нравственных сил, неумение сладить с прогрессом, материализм, неверие в нравственные силы человека, который, по мнению новых буддистов, тогда только чист и свеж, когда живет в лесу, и портится, когда выступает на высшее общественное поприще». Теперь чувствуется надобность вооружиться против крайностей направления противоположного, против обоготворения прогресса, которому должно быть подчинено все, которому должна быть подчинена религия, из чего выводится необходимость новой религии, ибо христианство, говорят, не соответствует более той степени прогресса, на которой находится теперь человечество. Мы не берем на себя задачи,

которая не по силам нашим, – задачи защищать христианство; мы не коснемся богословских вопросов; мы ограничимся одной научной исторической средой и ее средствами постараемся уяснить вопрос об отношении прогресса к религии, и именно к христианству, потому что без решения этого вопроса невозможно и решение других важных исторических вопросов...»

Сергей Михайлович Соловьев

Прогресс и религия

Десять лет тому автор предлагаемой статьи считал нужным вооружиться против нападков на прогресс, которые находил вредными для правильного исторического понимания. Тогда он писал: «К каким невероятным странностям и к какому бесплодию ведет антиисторическое направление и этот буддистский протест против прогресса, это стремление возвратиться к первоначальной простоте отношений, – стремление, обличающее недостаток нравственных сил, неумение сладить с прогрессом, материализм, неверие в нравственные силы человека, который, по мнению новых буддистов, тогда только чист и свеж, когда живет в лесу, и портится, когда выступает на высшее общественное поприще». Теперь чувствуется надобность вооружиться против крайностей направления противоположного, против обоготворения прогресса, которому должно быть подчинено все, которому должна быть подчинена религия, из чего выводится необходимость новой религии, ибо христианство, говорят, не соответствует более той степени прогресса, на которой находится теперь человечество. Мы не берем на себя задачи, которая не по силам нашим, – задачи защищать хри-

стианство; мы не коснемся богословских вопросов; мы ограничимся одною научно историческою средою и ее средствами постараемся уяснить вопрос об отношении прогресса к религии, и именно к христианству, потому что без решения этого вопроса невозможно и решение других важных исторических вопросов.

Люди, с мнениями которых мы будем иметь дело, глубоко, как говорят они сами, убеждены, что «религия есть неистребимая потребность природы человеческой; если иногда кажется, что потребность эта ослабевает и будто засыпает, то потом она вдруг пробуждается с большею силою. Ясно также, что новые учения не представляют достаточной пищи для веры, для потребности верить. Те, для которых религия есть вдохновение чисто индивидуальное, могут довольствоваться верованиями, которые теперь существуют в общем сознании. Но религия прежде всего есть связь душ: отсюда необходимость церкви и богослужения. Человек не довольствуется проходящим существованием на земле, как бы оно прекрасно ни было; он жаждет вечности. И дело идет не об одном бессмертии, которого он желает: дело – в связи с бесконечным Существом, от Которого он получил свое существование и без Которого он не сумеет жить. Кто будет его руководителем по тернистому пути жизни? Кто будет его вдохновлять в борьбе страстей против требований долга? Где найдет он опору и утешение в неизбежных бедствиях, которые сопровождают самые нежные привязанности? Кто будет

поддерживать его надеждой? Кто укрепит его веру в минуты сомнений, изнеможения нравственного? Бог – и только один Бог.

Следовательно, связь между существом конечным и Существом Бесконечным необходима, и эта связь составляет сущность религии. Не признавая этой связи и отвергнув идею религии, философы XVIII века тщетно поставили на ее место человечество: одни обязанности к человечеству не составляют религии. Пусть человек посвятит всего себя ближним; эти действия любви недостаточны для наполнения его души. Если в человеке не удовлетворяется потребность стремления к бесконечному, потребность самая сильная; если бы как-нибудь можно было уничтожить всякую идею, которая не относится к сему дольному миру; если бы человек не видал другого горизонта, кроме того, который пред его глазами, то не иссяк ли бы источник самопожертвования? Что осталось бы душе, заключенной в такую тесную темницу, кроме эгоизма, кроме наслаждения удовольствиями этой кратковременной жизни? Если не таков был плод ложных учений философов XVIII века, так это потому, что человек никогда не даст себя изувечить нравственно. Он носит в себе знамение своего божественного происхождения, элемент бесконечного, и не расстаётся с этим стремлением даже в заблуждениях своих. Это не мешает, однако, заблуждению быть губительным, и потому надобно возвратиться к истине. Если б учение о чувствах не смутило свободных мыслите-

лей XVIII века, вера в бесконечный прогресс, которая их воодушевляла, должна была бы повести их к верованию в бесконечное существование. В самом деле, если допускается, что развитие наших способностей есть цель нашей жизни, то невозможно допустить остановки. Таким образом, идея прогресса, приложенная к индивидууму, тождественна с идеей его бессмертия. В этом философия и христианство сходятся; материализм с своими странностями и пантеизм с своими мечтами не найдут никогда доступа в общее сознание. Общество не может жить без религиозных верований: ему нужна вера, как нужен хлеб».

Итак, мы имеем дело не с материалистами и их странностями, не с пантеистами и их мечтами, а с людьми верующими, верующими в личное существование Бога и в бессмертие души человеческой. Мало того, мы имеем дело с людьми, которые требуют положительной религии. «В двух противоположных движениях разрушения и реакции, которые мы видим в XVIII и XIX веках, заключается великое поучение. Разрушение не удовлетворяет: люди никогда не покинут веры, как бы она ни была несовершенна, для ничтожества; они говорят, что лучше иметь какое-нибудь убежище против бурь жизни, чем выставлену быть на ненастье без одежды и крова. Пока длится борьба, люди, принимающие в ней участие, могут вдохновляться разрушением, ими совершаемым; но когда почва усеяна развалинами и осколками и воинский жар потух, что остается борцам? Что остается

тем, которые, будучи чужды борьбе, не хотят покинуть своего жилища, как бы оно ни было неудобно, чтобы расположиться под открытым небом на развалинах? Время разрушения прошло, и, только застроивши вновь, мы можем уничтожить то, что осталось от ударов XVIII века. Возведем величественное здание, которое может принять всех требующих убежища, и они поспешат покинуть свои избышки. Как построить это новое здание? Достаточно ли собрать безобразные камни, которые лежат здесь и там, – печальные остатки старой религии? Прочное здание не строится из ветхих, гнилых материалов. Когда хотим восстановить религиозные верования, то надобно вдохновляться не прошедшим, а будущим. Надобно, чтобы прошедшее преобразовалось под влиянием чувств и идей, семена которых Бог вложил в недра человечества. Воспользуемся уроком и примемся за работу; Бог не оставит нас своею помощью».

Где-то на Западе хотят строить величественный храм новой религии; по какому плану и рисунку, из каких материалов – не открывают, говорят только отрицательно, что старого не будет. Конечно, можно было бы сказать: подождем, увидим. Но дело в том, что мы принадлежим к страстным приверженцам прогресса, а дожидаться – значит остановиться. Нам скажут: «Зачем останавливаться, сидеть сложа руки и дожидаться – ступайте к нам строить величественный храм!» Мы бы охотно пошли, но прежде позвольте предложить два самых простых вопроса: возможна и нужна ли эта

постройка?

Вера признается необходимо несокрушимую в человечестве, но что такое вера? Я знаю то, что совершенно ясно понимаю, чем мой разум овладел вполне собственными средствами; я верю тому, чего понять не мог, для овладения чем средства моего разума несостоятельны. Все, что подлежит моим чувствам, все, что существует материально, подчиняется общим законам бытия, – все это я могу знать. Но для мыслящего существа есть необходимость признавать разумную причину причин, Высшее Существо, есть необходимость в самом себе признавать то, что не подлежит уничтожению, что должно существовать и по разрушении видимого организма; таким образом, есть необходимость признавать существование особого мира, который мы называем духовным. Явления этого мира и его отношения к подлежащему нашим чувствам миру для нас непостижимы – и здесь то область веры. Но кому же мы будем верить относительно этих явлений и отношений? Никакому человеку мы не поверим, ибо ни один человек собственными средствами постичь их не может. Отсюда необходимость религии откровенной: только Сам Бог может открыть о Себе и наших отношениях к Нему, сколько для нас нужно и возможно. Но что сам Бог нам откроет, то есть истина вечная и неизменная, ибо только в таковую мы можем верить. Язычник или магометанин нынче верит так, завтра он убеждается в превосходстве христианского учения – и принимает его, потому что верит ему,

как единому истинному и божественному. Но если вы скажете человеку, что то, во что он верует теперь, упраздняется; что будет религия высшая, но и эта другая, высшая религия упразднится в свою очередь вследствие прогресса человечества, то кто будет верить, кто согласится признавать известное учение истинным, будучи убежден, что спустя некоторое время это учение будет отвергнуто как ложное и заменится другим, а это в свою очередь сменится третьим и т. д.! Нас приглашают строить храм новой религии и позволяют себе толковать о прочности этого здания, не подозревая, что смеются сами над собою самою злою насмешкой: кто пойдет строить *прочное* здание с убеждением в его непрочности? Вся эта бессмыслица происходит оттого, что люди, взявшись толковать о вере, не взяли труда уяснить себе сущность предмета, не спросили у первого верующего, будет ли он верить, когда убедится в изменяемости вероучения. Для каждого понимающего сущность веры очевидно, что она не может подчиняться прогрессу.

Религия предполагает неизменяемость, прогресс предполагает изменение; но это различие условливает ли их взаимное исключение? Нисколько, если не смешивать насильственно области религии и прогресса. Это будет очевидно из разбора мнений писателей, виновных в таком насильственном смешении, – из разбора их мнений относительно прогресса и христианства, которое они хотят упразднить как не удовлетворяющее более потребностям времени. Они обра-

щаются к христианству с упреками за то, что оно есть – религия! «Философия и религия, – говорят они, – могут жить в согласии только под одним условием, чтобы религия не происходила путем чудесного откровения и не провозглашала догматов, которых разум принять не может. Если же, напротив, религия считает за собою божественное происхождение; если как основание для своего учения устанавливает таинства, которые разум человеческий не понимает или отвергает, то согласие между философией и религией невозможно».

Но разум не помешал вам признать бытие Бога и бессмертие души? И разве в то же время разум дал вам средства изучить этот иной, совершенно различный от нашего мира, мир, который мы называем духовным? Разве вы посредством разума узнали существо Бога и существо души человеческой, отдельно от тела пребывающей? Разве разум не признает все это непостижимым, невозможным для изучения, неизвестным? Но какое же мы имеем право заключать от известного к неизвестному, не имея возможности проверить этого заключения опытом? Какое право мы имеем требовать, чтобы условия этого совершенно иного существования были тождественны с условиями известного нам существования? Вы смеетесь над легендами, порожденными детскою фантазией толпы, в которых отношения духовных существ представляются в формах здешней жизни; а сами что делаете, требуя, чтобы там не было ничего такого, что бы не походило на здешнее, что бы было непонятно нам, знающим только здеш-

ние условия бытия?

Верованиям, догматам христианским противопоставляют какие-то философские верования и догматы – относительно чего же? Относительно будущей жизни. Говорят: «Если признано, что развитие наших способностей есть цель нашей жизни, то невозможно, что была остановка в этом развитии; следовательно, идея прогресса, приложенная к индивидууму, тождественна с идеей его бессмертия». В этом пункте философия согласна с христианством; но философы, соглашаясь с христианами относительно признания жизни бесконечной, сильно расходятся с ними относительно условий жизни будущей, и причиною тому опять идея прогресса. Христианство учит, что будущая жизнь есть состояние неизменяемое; философы думают, что будущая жизнь для всех существ сотворенных есть продолжение их предшествовавшего существования, непрерывное движение к совершенствованию. Тварь, будучи несовершенна по своей сущности, будет всегда приближаться к цели, никогда ее не достигая; но и никогда не может быть приведена в такое состояние, где бы всякое развитие сделалось невозможным. Нет, следовательно, ни ада, ни рая, но жизнь прогрессивная, имеющая целию идеал совершенства. Прогрессивное существование индивидуума принадлежит к области веры; наука не может утверждать, существовал ли человек прежде чем родился; равно она не знает, где и в каких условиях будет препровождаться будущее его существование.

Итак, вы признаетесь, что не знаете условий будущей жизни; по какому праву вы утверждаете, что там будет такая же форма бытия, какая заключается здесь, именно форма прогресса? Вы сами говорите, что прогрессивное существование человека принадлежит к области веры: но кто открыл вам эту тайну? Кто проповедал этот догмат? Кому вы поверили? Каким-то философам, которые из идеи прогресса вывели личное бессмертие! Но другие философы, очень известные, во все не считали нужным с идеею прогресса соединять личное бессмертие: кому же мы должны верить? В этих вещах можно верить только одному Богу; христиане и верят Ему Одному, не считая для себя позволительным мечтать о формах загробной жизни и переносить в нее формы здешней жизни, ибо это позволительно только детской фантазии необразованной толпы да, как видно, еще каким-то философам.

Последуем за проповедниками прогрессивной религии и будущей жизни в настоящую. Они переносят дело на историческую почву и считают себя здесь твердыми. «Религия подчиняется ли общему закону прогресса?» – спрашивают они и отвечают: «Защитники христианства говорят, что нет, и с их точки зрения они правы, ибо они думают, что обладают истиною абсолютною, а совершенное совершенствоваться не может. Разумеется, те, которые отвергают абсолютную истину, должны по этому самому допустить прогресс истины религиозной как всякой другой истины. Христианство не есть ли прогресс относительно язычества и даже мозаизма? Как

этот прогресс совершился? Философы говорят, что переворот совершился работою человечества; верующие утверждают, что христианская религия есть чудесное откровение Божества. История за философов: она учит нас, что прогресс совершался в области религии, как во всех сферах человеческой деятельности. Это решительно для великого вопроса, поднятого нами. Если был религиозный прогресс в прошедшем, то почему он невозможен в будущем?»

Во-первых, здесь незаконное смешение области религии с другими сферами *человеческой деятельности*. Если в известной сфере совершилось что-нибудь похожее на совершающееся в другой сфере, из этого не следует еще, что обе сферы сходны и в обеих господствует один закон. Мы видели, что веровать можно только в абсолютно истинное. Мы знаем одну откровенную религию, в двух заветах состоящую: в Ветхом Завете основным верованием было верование в будущее, в исполнение обетований и завершение всего; в Новом, когда исполнилось и завершилось все, не говорится ничего о возможности будущей новой религии, говорится о будущей жизни в совершенно иных пред нынешними условиями, но в необходимой связи с христианскими верованиями.

Но как скоро наши философы апеллировали к истории, то мы с этою апелляцией расстаться не можем. Что такое прогресс, как нам показывает его история? История показывает нам, что все органическое, к которому принадлежат народы и целое человечество, проходит одинаково чрез извест-

ные видоизменения бытия, родится, растет, дряхлеет, умирает. История показывает нам различные степени развития у разных народов, сошедших с исторической сцены и пребывающих на ней; показывает высокую степень развития народов арийского племени, особенно тех, которые поселились в Европе. История этих народов представляет два отдела – древний и новый, языческий, или греко-римский, и христианский. Народы, действовавшие в первом отделе, прошедши известные видоизменения бытия, умерли, передав богатое наследство своим преемникам; те в свою очередь пережили возраст детства; когда пришло время учиться, принялись за книги, оставленные древними, воспользовались богатым наследством и обнаружили блестящие успехи, явили сильную степень развития.

Но в христианстве нет догмата, чтобы народы, его исповедующие, не сходили никогда с исторической сцены, никогда не дряхлели и не умирали, и потому имеем обязанность признать и относительно народов, теперь действующих, общий закон. Когда-нибудь и они перестанут действовать, перестанут существовать. Придет ли очередь кочевникам Средней Азии, неграм Африки, патагонцам Америки – мы не знаем; но закон остается неизменен: человечество в своих настоящих условиях на обитаемой им планете должно одряхлеть и умереть. Христиане веруют, что человечество будет жить иною, высшею жизнью; и наши философы говорят, что веруют в то же самое; но поступают при этом самым непрости-

тельным для философов образом: хотят на эту новую жизнь распространить законы и формы жизни иной, старой, прекратившейся – жизни, протекавшей в совершенно других условиях. Прогресс как условие жизни здешней должен прекратиться с ее прекращением, *если не ранее*. Когда последует это прекращение, мы не знаем; с *исторической, до сих пор* прогрессивною жизнью человечества на земле *находится в связи* то явление в области откровенной религии, что Ветхий Завет сменяется Новым; связь видимая, для нас доступная, состоит в том, что смена Ветхого Завета Новым условила сильнейший прогресс у народов, принявших христианство, – и только. Но из этого никак не следует, чтобы человечество для своего земного бытия нуждалось не в двух заветах, а в пяти или шести. Таким образом, то, что мы называем прогрессом человечества, в историческом смысле условилось тем, что даровитые и в выгодное положение поставленные народы по смерти своей были сменены даровитыми же и в еще более выгодное положение поставленными народами. Идти дальше этого явления историк не имеет никакого права.

Человечество нуждается, говорят, в новой религии, ибо христианство не удовлетворяет более, и вот его вина: «Есть прогресс индивидуальный и прогресс социальный; какое же между ними отношение? Ограничивать прогресс учреждениями социальными и политическими есть заблуждение, в котором виновны социалисты. Социалисты забывают, что

человек есть виновник прогресса; следовательно, он должен совершенствовать общество; но как он это сделает, если сам останется неподвижен? Пусть поместят дикаря в самое совершенное общество; он возвратится в свои леса, ибо найдет там существование, более соответствующее своим вкусам и понятиям. Хотите преобразовать общество – начинайте с преобразования человека. Есть еще погрешность более важная в учении социалистов: они низводят человека до животного или до машины; нет нужды до умственного и нравственного развития, лишь бы машина была искусно устроена; человек низведен до инструмента; не он становится целью, но общество, вследствие чего индивидуум поглощается обществом, уничтожается. Но есть другая крайность, состоящая в том, чтобы все приписывать индивидууму, его совершенствованию и равнодушно смотреть на социальные учреждения. Это – стремление стоицизма, и в известных отношениях христианское учение воспроизвело ошибки стоиков. Эпиктет равнодушно сносил свое рабское состояние, ибо внутренне он был свободен, освободившись от тиранства страстей. И христианину было нужды до деспотизма Римской империи: гражданин небесного Иерусалима, пришлец в мире сем, он имел одну цель – обеспечить спасение души. Христиане, подобно стоикам, забывали, что человек по своей природе – существо общественное, точно так же, как одаренное разумом. Совершенствовать общественные учреждения – значит трудиться для своего собственного

совершенствования. Общество и индивидуум находятся под взаимным влиянием друг друга».

Итак, выходит, что христиане равнодушны к общественным учреждениям, к их усовершенствованию. Но вы сами признаете, что общественное совершенствование находится в необходимой связи с индивидуальным, именно в связи следствия и причины: общественное совершенствование невозможно без индивидуального; человек, неспособный, не приготовленный к лучшим учреждениям, уйдет от них; каким же образом учение, имеющее целию нравственное совершенствование индивидуума, может не иметь приложения к совершенствованию общественному; как может быть мыслима причина без следствия и следствие без причины? Эпиктет мог быть равнодушен к своему рабскому состоянию, освобождая себя, как ему казалось, от господства страстей; христианин-раб так же может быть равнодушен к своему состоянию; но у него есть обязанность любить своего ближнего как самого себя; точно такая же обязанность лежит и на его господине. Если бы слабость человеческая допустила на земле такое общество, все члены которого были бы проникнуты христианским чувством, все любили бы друг друга как сами себя и желающие быть большими были бы всем слугами, то спрашивается: какой бы имели смысл слова: раб, господин, деспотизм и т. п. – спрашивается, какая была бы нужда изменять общественные и политические формы? Но христианство именно ставит такое требование от общества и государ-

ства, такой идеал; изменения форм, прогресс в этом отношении происходит от более или менее ясного сознания этого идеала и от невозможности приблизиться к нему по недостатку средств человеческих, от невозможности достигнуть высокой степени индивидуального совершенствования, при которой формы не требовали бы изменений. К чему, например, нужны были бы законные гарантии, ограничения власти, если бы все, владеющие и подчиненные, любили друг друга, как сами себя?

Христианство, постановив такое высокое нравственное требование, которому человечество, по слабости своих средств, удовлетворить не может – а если бы удовлетворило, то упразднились бы изменения форм и прогресс, – христианство, по тому самому, есть религия вечная. Известная религия тогда только может уступить место другой, высшей, когда человечество в своем развитии переступит ее требования, которые окажутся ниже его нравственных стремлений, как и действительно случилось с религиями наиболее развитых народов древности перед пришествием Спасителя. Но когда требования, выставленные религией, так высоки, что пребудут для человечества недостижимым идеалом, то какое основание мечтать о какой-то новой высшей религии? Позволительна ли такая мечта на основании прогресса, когда прогресс именно обуславливается недостижимостью идеала? Таким образом, прогресс нисколько не противоречит христианству, ибо он есть произведение слабости чело-

веческих средств и высоты религиозных требований, поставленных христианством; христианство поднимает человечество на высоту, и это-то стремление человечества к идеалу, выставленному христианством, есть прогресс в мире нравственном и общественном.

Прогресс освящается христианством и противоречить ему не может. Но в то же время христианство, ставя наивысший идеал, не может иметь дела непосредственно ни с какими обществами и политическими формами, потому что если бы христианство остановилось на каких-нибудь формах и освятило их, то этим самым оно прекратило бы прогресс. Нашим философам желательны теперь известные общественные и политические формы, и они негодуют на христианство, зачем оно не освятило их; но хороши поклонники прогресса, которые думают, что развитие этих форм уже закончилось! Если же оно не закончилось, то зачем требовать от христианства, чтобы оно освящало формы преходящие и, связываясь с ними, делалось бы необходимою религиею временною? Наши философы чувствуют свою опасность в этом вопросе и стараются избежать ее; они говорят: «Справедливо, что Иисус Христос произносит глубокомысленное слово, которое служит как бы постоянным побуждением к совершенствованию: «Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен». Если человек, существо несовершенное по своей природе, должен беспрестанно приближаться к совершенству Создателя, то чрез это ему задается бесконечная

работа совершенствования. Вот, по-видимому, прогресс, и прогресс бесконечный. Но он не производится работою человека, и поэтому здесь не может быть речи о совершенствовании. Как нет прогресса, если Бог открывает истину миру путем чудесным, так точно нет прогресса, если человек получает сверхъестественный свет благодати. Философы также допускают божественное вдохновение, руководство Провидения; но они допускают их чрез посредство человечества, и разум есть орудие индивидуального совершенствования, точно так же, как и социального прогресса». Отчаянное средство не удалось: хотя и есть прогресс, да нет его; хотя мы и допускаем божественное действие, божественную помощь, божественное руководство, но не допускаем ничего иначе как через разум человеческий. Вам так угодно, гг. философы; вам не нравится средство совершенствования, признаваемое христианами; но своим непозволительным уклонением от настоящего дела к вопросу о средствах вы не достигаете цели: остается очевидным, что христианство требует бесконечного прогресса: «будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен».

Удар, направленный против христианства во имя прогресса, не достигает цели: оказывается, что христианство требует бесконечного прогресса. Для наших философов остается ряд жалких придирок, издавна повторяемых. Рассмотрим и эти придирки.

«Зачем, – говорят, – Иисус Христос и апостолы не осуди-

ли рабства? Из этого ясно, что христианство есть религия индивидуальная, имеет дело только с отдельным человеком, занимается только его спасением, введением его в общение святых: вот единственная свобода, единственное равенство, единственное братство, которые имеют в виду ученики Христа. Мир политический они оставляют кесарю и прилаживаются ко всем формам правления».

Отвечаем: если религия требует, чтобы я видел в рабе брата, то этим она укрепляет или ослабляет, подкапывает рабство? Разумеется – второе. Если бы христианство обратилось к народам с требованием уничтожения рабства, то прежде всего они не признали бы такой религии; но христианство, отрекаясь от всяких политических форм, обратилось к человеку со своими требованиями индивидуально-го совершенствования. Лучшие люди, наиболее способные к совершенствованию, послушались призыва, христианство утвердилось и начало подкапывать не нравственные явления в обществах, в том числе и рабство. Что частные люди перед смертью начали отпускать рабов, думая видеть в этом дело, угодное Богу, очищающее грехи, показывает лучше всего, как христианство действовало против рабства, как приготавлило его уничтожение, воспитывая народ в том понятии, что рабство – дело нехорошее; что нельзя иметь рабом человека, искупленного кровию Спасителя, – человека, который есть храм Духа Святого, и т. д. Христианство, отрекаясь от временных политических форм, доступно всем векам, всем на-

родам, на какой бы степени развития они ни находились, и ведет их к возможному совершенствованию, не насилуя их, не требуя от младенца того, что доступно только взрослому, но во всякое время, во всяком возрасте отдельного человека и целого народа, действуя благодетельным, смягчающим образом.

В то время, когда экономические и другие препятствующие развитию условия не позволяют народу освободиться от рабства, христианство действует, смягчая отношения, преклоняя на милосердие господ, доступных его внушениям, и поднимая нравственно рабов. Рабство и теперь не исчезло из христианских стран в разных своих видах, и неизвестно, когда исчезнет; но христианство будет всегда обнаруживать свое смягчающее влияние. Известно, что в странах наиболее развитых и обильных народонаселением, где предложение труда превышает требование, владелец промышленного заведения может относиться к работникам совершенно как господин к рабам и может позволять себе в отношении к ним безнаказанно такие же безнравственные поступки, если отказался от христианства, как религии, не удовлетворяющей более его высоким потребностям, и ждет построения храма новой, высшей религии.

Упрекают христианство за нетерпимость и говорят, что терпимостью мы обязаны философии XVIII века. Здесь видно также отсутствие правильного исторического взгляда. Христиане считали и считают своею обязанностью пропове-

довать; распространять свою религию и охранять ее; в века грубости то и другое могло совершаться средствами насилия; во времена, отличающиеся большею мягкостью нравов, это совершается другими средствами; но эту мягкость произвело то же христианство, по своей сущности как религия любви. Утверждать противное – значит отказаться от исторического и всякого смысла, отнять у христианства его историческое значение и пойти прямо к отрицанию прогресса. Христианство ведет борьбу с неверием, и не должно думать, что эта борьба недавняя, что ее надобно начинать с XVIII века. Мы встречаемся с неверием во все века; во все века встречаемся с людьми, которые говорят: «Жестоко слово это; кто его может послушать?» Но в одни времена более неверующих тайно: одни – люди равнодушные, исполняющие религиозные обязанности по привычке, ибо все окружающие так делают; нет движения, которое возбуждало бы их к противоположному, не слышится вопроса: «Ты на какую сторону?»; другие из страха выдают себя за верующих; третьи – из политического убеждения, что для массы надобно поддерживать религию, как начало консервативное. В иной век более видимой религиозности – вследствие материальных сдержек правительства и общества; в иной – вследствие нравственных сдержек, то есть более людей, сильных словом и делом, которые ратуют за религию, как, например, в XVII веке на Западе; а иногда таких людей нет, и перевешивает другая сторона, как было там же в XVIII веке.

В это же самое время обнаруживается в обществе стремление к свободе и терпимости, что дает неверию возможность высказаться. Но это стремление произошло вследствие долгой работы веков под влиянием христианства, а не было произведено вдруг учением философов XVIII века, ибо успех на неприготовленной почве есть чудо; а философы чудесного не допускают; да и философы XVIII века, проповедуя терпимость *для себя*, в минуту откровенности признавались, что если бы можно, то они охотно стали бы действовать против христианства диоклетиановскими средствами. Вольтер в письмах своих к Фридриху II жалеет, что философы не довольно многочисленны и не довольно ревностны, чтобы произвести возрождение мира *огнем и мечом*. Понятно, что свобода и терпимость суть важные благоприятствующие условия для христианства в борьбе его с неверием, ибо они всего яснее обнаруживают могущество его средств. Могущество это обнаруживается тем сильнее, чем сильнее напор враждебных сил. Христианство вышло с торжеством из эпохи материального гонения. Философы во Франции воспользовались своим временем в конце XVIII века и возобновили было материальное гонение; но дух нового времени не дает возможности продолжаться этому гонению, и наши философы должны прибегнуть к другим средствам – к гонению насмешками над – суеверием, над верою в чудесное, к гонению во имя науки, разума, против верующих, как против невежд и слабоумных, что сильно действует на толпу по-

дуобразованных людей, не могущих вникнуть в дело и определить правильно отношение науки к религии. Тяжесть этого гонения усиливается еще друзьями, которые хуже врагов, – людьми, которые в защите религии не разбирают средств и тем самым показывают слабость своей веры, ибо кто верит в божественность и вечность христианства, тот не станет поддерживать его мелкими, нечистыми средствами.

Несмотря на то, дело наших философов находится, по их же словам, не в желанном положении. Так называемые философы XVIII века сказали все, что можно было, против христианства, так что их последователи XIX века должны твердить только зады. Но как же эти последователи смотрят на деятельность своих предшественников и ее результаты? «Философия, – говорят они, – не считала разрушение исключительным своим делом; если она разрушила, то для того, чтобы на месте старого здания воздвигнуть новое». Теперь послушаем, чем дело кончилось. «Начавшись против суеверия, борьба кончилась враждою ко всякой религии и даже нравственности. Дошли до материализма, до отрицания Бога, духовной стороны в человеке, до отрицания свободы, нравственного закона, дошли до фатализма. Все эти выводы были допущены свободными мыслителями XVIII века, правда, не без протеста. Руссо и Вольтер протестовали против атеизма и его губительных последствий, но их голос не был услышан; самые смелые шли до конца и на конце находили то, что по справедливости можно назвать ничтожеством. Ес-

ли здесь вся философия XVIII века, то надобно осудить ее решительно, ибо она ложна в основании. Поспешим сказать, что то, что принимают за учение философов, не есть их настоящее учение: это только оружие против христианства, искаженного церковью. В глазах XVIII века религия была синонимом суеверия, жреческих плутней, господства духовенства; он не хотел этого ни под каким видом и потому не хотел поддерживать идеи Бога, бессмертия души, то есть основных догматов всякой религии, потому и пристал преимущественно к материалистическому учению».

Хорошо объяснение и вместе оправдание! Люди шли последовательно от одного вывода к другому и дошли до ничтожества. Но это, говорят, не есть учение, это только оружие. А в XIX веке разве нейдут тою же дорогой и не доходят точно таким же образом до ничтожества? Где же настоящее-то учение? Где же новое здание, имеющее быть построенным из ничтожества, ибо ничего другого в результате не оказалось? Материал отличный! Пора, кажется, приниматься за работу. А между тем старое здание все стоит невредимо; оружие, против него направленное, оказывается недействительным.

Повторяют, что христиане равнодушны к миру сему, ибо религия Христа есть религия другого мира; христианам нет дела до известных политических и общественных форм. Но мы уже говорили о том, что религия вечная не должна быть связана ни с какими временными, преходящими форма-

ми, ибо в противном случае она остановила бы прогресс и упразднила бы свободную волю человека или перестала бы быть вечною. Говорят: «Надобно достигнуть такой религии, которая бы давала удовлетворение природе конечной человека и вместе его природе бесконечной: человеку нужна религия этого и другого мира; противоположность между этим и другим миром должна исчезнуть».

Спрашивается, какое другое удовлетворение может дать религия конечной природе человека, кроме того, которое даётся ей в христианстве? Кинут темную фразу об уничтожении противоположности между настоящею и будущею жизнью, об удовлетворении потребностям конечной и бесконечной природы и думают, что сказали что-нибудь, решили что-нибудь. Человек при условиях земной жизни стремится к подчинению себя потребностям своей конечной природы; чтобы не допустить его до совершенного подчинения этим потребностям, надобно его беспрестанно будить, указывать ему на необходимость удовлетворять потребностям бесконечной его природы, что и есть дело религии. Религии не нужно внушать человеку, чтобы он удовлетворял потребностям своей конечной природы: это он сделает без всякого внушения; но величайшего труда стоит ему оторваться от удовлетворения этим потребностям и удовлетворить других; религия напоминает ему об этом; но одних напоминаний мало: нужен пример – и являются избранники, которые показывают возможность для человека освободиться из-под гнету-

щего влияния потребностей конечной природы и удовлетворять преимущественно потребностям природы бесконечной по предписаниям религии. Против этих-то людей и вооружаются наши философы, их-то и упрекают в оставлении мира сего для мира иного, в нарушении равновесия между потребностями двух природ человека, конечной и бесконечной.

Но посмотрим, может ли быть и должно ли быть поддерживаемо это равновесие? Как скоро вы произнесли эти два слова: *конечное* и *бесконечное*, то вы уже определили, что одно, бесконечное, выше другого, конечного, и последнее необходимо должно находиться в подчиненном отношении к первому. Наши философы утверждают, что человека по смерти ждет не рай и не ад, но прогресс, дальнейшее развитие. Им при этом выгодно скрыть правду, правосудие; но такой отчаянный способ пользы им не приносит. Кто из людей, убежденных в существовании будущей жизни, может отрешиться от представления, что в этой высшей жизни будет господствовать правда, что каждому, следовательно, воздастся по делам его? Умалчивая об этом, наши философы делают упрек христианству в том, будто оно внушает своим последователям корыстное побуждение к добру: поживешь хорошо, будешь в раю; станешь вести себя здесь дурно – попадешь в ад. Но философы наши умалчивают и здесь о главном, а именно о том, что христианство предписывает своим последователям любовь, исключаящую всякое корыстное побуждение; в христианстве проповедуется и величай-

шее милосердие в случае обращения от зла к добру, но вместе проповедуется и правда: иначе не была бы удовлетворена одна из самых важных потребностей нравственной природы человека.

Наши философы утверждают, что нет ни рая, ни ада, но есть прогресс в будущей жизни; но так кидать словами нельзя, надобно объясниться. Если человек не исчезнет по смерти, но будет продолжать существование, и притом будет развиваться, совершенствоваться, прогресс должен находиться в необходимой связи со здешним его существованием. На какой ступени развития переняла его смерть, от той он должен поступать к дальнейшему совершенствованию. Но одних смерть застает на самой низкой ступени духовного развития, других – на высокой; так как в развитии скачков быть не может и на этом основании нельзя предположить, чтобы по смерти все люди были равны, то необходимо следует допустить, что существование людей по смерти будет различное на основании той степени развития, какой они достигли в здешнем мире; существование того человека, который начинает свое развитие с высшей ступени, будет естественно выше и блаженнее существования того человека, который должен будет начинать с низшей ступени, первый уйдет далеко перед вторым. А высшая ступень развития что-нибудь да значит; ведь это высшая ступень блаженства. Если человек, принявший учение наших философов о прогрессе в будущей жизни, сделает приведенный вывод (а не сделать

его он не может), то он непременно скажет самому себе: за гробом ждет меня дальнейшее развитие на основании здешнего, но ясно, что при других условиях; тело свое оставлю здесь; следовательно, там будет развиваться только моя духовная сторона, на основании того развития, какое я дам ей здесь; следовательно, я должен преимущественно заботиться о том, что останется со мною, а не о том, что погибнет; и, по христианскому учению, будет тело – да другое; условий здешней жизни не будет, люди будут жить, как ангелы.

Таким образом, если наши философы, отвергая, как они говорят, странности материализма и мечты пантеизма, основываясь на общем сознании, допустят будущую жизнь; как скоро подле смертности тела, подле прекращения условий здешней жизни будет поставлено бессмертие души, то, как бы ни представляли они будущую жизнь, никто не придет к заключению, что возможна религия, в которой исчезла бы противоположность между этим и другим миром.

Необходимый вывод будет тот, что надобно принять между обоими мирами отношение, постановленное в христианстве: «Ищите прежде царствия Божия и правды Его, и вся сия приложатся вам». «Вся сия», то есть удовлетворение потребностям конечной природы человека; условия здешней жизни не отвергаются, благословляются, но поставлены в правильное отношение к бесконечному, то есть – в подчиненное, зависимое. Правильность этого отношения складывается на ежедневном опыте: только удовлетворительное

нравственное состояние человека и общества обеспечивает им и материальное благосостояние; и до какой бы степени могло достигнуть последнее, если бы вместо мечты о построении храма новой религии побольше людей занялись исполнением предписаний старой, занялись бы водворением любви и правды между ближними. «Вся сия» приложились бы.

Итак, как скоро предполагается будущая жизнь, то конечное необходимо становится в подчиненное отношение к бесконечному. Вот почему люди, желающие, как они говорят, *восстановить права матери*, так вооружаются против бессмертия; отсюда все «странности материялизма и мечты пантеизма». Но, удерживая веру в бессмертные души, требовать, чтоб уничтожена была противоположность между здешнею и загробною жизнью, — это всего страннее и мечтательнее; отношение между ними может быть только такое, какое постановлено в христианстве. Здешняя жизнь необходимо является временною и слишком кратковременною в сравнении с вечностию, с будущим, является необходимо приготовлением к этому будущему; следовательно, все внимание должно быть обращено на эту цель. Но так как стремления, отвлекающие внимание человека от этой цели и погружающие его вполне в здешнюю земную жизнь, страшно могущественны, то религия постоянно возвращает его внимание к настоящей цели бытия, причем сильно действует пример людей, богатых духовными средствами, которые умели не терять из виду этой цели. Упрекать этих лю-

дей, то есть истинных христиан, в том, что они для будущего забывают настоящее, есть бессмыслица. Надобно поставить вопрос прямо: забывают ли эти люди свои обязанности к настоящему? И как они могут забыть их, когда главная обязанность, им предписанная, есть любовь к ближнему; когда, по их учению, блаженная будущность будет для них потеряна, если они в каждом страждущем ближнем не будут видеть Бога и откажут ему в помощи? Разве можно истинного христианина приравнять к тем безнравственным лицам, которые выражали свой крайний эгоизм, свое равнодушие к участи ближних, долженствовавших остаться после них на земле, знаменитым выражением: «После нас потоп»? Разве та же самая любовь не заставляет христианина заботиться и о будущности общества, где после него остаются те же ближние? И разве исполнение обязанности к ближнему, предписываемое христианством, не ведет прямо к благосостоянию общества?

Христианин, говорят, должен, по своему учению, терпеть обиды и потому не может содействовать утверждению правды в обществе, обузданию насилий сильного. Но говорить таким образом – значит самым недобросовестным образом притворяться не понимающим дела, самым недобросовестным образом обходить сущность его. Действительно, христианин обязан терпеть обиды, ему наносимые; но разве он обязан терпеть обиды, нанесенные его ближнему? Разве тут не предписано ему положить душу свою за него? Христиан-

ство предписывает своему последователю то, что мы называем великодушием, и то, что мы называем гражданским мужеством, – добродетели, на которых зиждется благосостояние общества. Доходят до того, что упрекают христианство в стремлении уничтожить идею права, потому что апостол Павел упрекает коринфских христиан за их любовь к тяжбам! Говорят: «Если бы все христиане последовали апостолу, то что бы случилось с правосудием?» Скажут: в нем бы не было нужды. Да, не было бы нужды, если бы мы были на седьмом небе; но мы на земле – мы существа несовершенные, хотя и стремящиеся к совершенству, и потому правосудие есть необходимость нашей природы. Религия, которая уничтожает идею права, годна не для общества, годна только для монахов». Хорош вывод! Мы на земле, мы существа несовершенные, хотя и стремящиеся к совершенству; но спрашивается: большое количество тяжб есть ли признак общества более совершенного? Что же, по-вашему, апостолу Павлу следовало похвалить коринфян за то, что между ними было много тяжб? Не беспокойтесь, тяжбы не прекратятся; но важно то, чтобы судьи следовали предписаниям христианства, подчинялись требованиям своей бесконечной природы, и тогда будет правосудие; если же они будут подчиняться потребностям своей конечной природы, то правосудие исчезнет.

Но любопытнее всего то, что подобные выходки против христианства, против его неспособности удовлетворять более потребностям общества, против его стремления отвлечь

людей от исполнения их гражданских обязанностей делают писатели, занимающиеся историей; делая эти выходки, они совершенно забывают, что сами прежде говорили о деятельности христиан на общую пользу. Вот что они, например, говорили:

«Провинции Римской империи, беспрестанно опустошаемые народами Севера, ежедневно призывали на помощь мирное вмешательство епископов. Некоторые из них нашли славную смерть, идя против ярости варваров, еще язычников, и потому нечувствительных к увещаниям, которых не понимали. Но иногда мужество епископа поражало победителя: варвары изумлялись, когда их останавливал старик; они удивлялись душевной силе – и повиновались иногда, как дети. В древности не было связи между народами, паганизм был источником ненависти и угнетения, тогда как христианство сделало из всех людей братьев. Благотворительность святых целила язвы, которых они не могли предотвратить. Св. Амвросий беспрестанно взывал к благотворительности в пользу пленных. «Самое богоугодное дело, – говорит он, – возратить отечеству гражданина, отцу его ребенка и спасти целомудрие женщин». Он жертвовал церковными сосудами для выкупа пленных. «Лучше, – говорил он, – сберечь души для Бога, чем золото. Он не дал своим апостолам золота для проповедания Евангелия». Нужна была благотворительность, доведенная до героизма, для облегчения таких страшных страданий. Св. Епифаний стоял в уровень свое-

му положению; но он нашел себе достойного соперника в апостоле Норики, Св. Северине. Северин удалился сначала в одну из восточных пустынь; но неодолимое призвание извлекло его из приятного уединения и поставило среди варваров. Ему предложили епископство; он отказался, чтобы посвятить всего себя подвигам благотворительности. Он утвердил свое пребывание в странах придунайских, где происходило непрерывное движение варварских народов; опустошения, резня, пленение были событиями ежедневными. Северин поднял мужество побежденных, человек мира явился сильнее воинов. При виде его варвары испытывали чувства уважения и страха: святой пользовался этим, чтоб удалять их или заставляя их отпускать пленных. Апостол Норики поучал побежденных сносить лишения их бедственной жизни, налагал на самого себя произвольные лишения, и т. д.».

Слишком долго было бы исчислять примеры исполнения гражданских обязанностей во всех общественных положениях, которые представляет нам история христианства. И после этого решиться толковать, что христианство есть религия другого мира; что оно препятствует исполнению наших обязанностей здесь на земле! Как будто основная заповедь любви не условливает необходимо исполнения этих обязанностей, ибо, требуя самоотверженности, христианство требует самого горячего участия к судьбе ближних; а разве человек может быть отделен от общества? Указывают на людей, бежавших от общества, удалившихся в пустыни, и упре-

кают их за то, что в этом удалении они видели наивысшее исполнение требований христианства; но забывают, что пустыня не оставалась запертою для общества, которое нуждалось в примере людей, сильных духом, могущих, во имя высших требований, отказаться от всего того, что имеет для большинства неотразимую прелесть. Разве ежедневный опыт не показывает нам, что привязанность к телу, чем пренебрегли пустынноики, служит для человека побуждением ко всему дурному, ко всякой неправде, именно заставляет его изменять общественным интересам, не исполнять гражданских обязанностей, отчего и страдает общество: отсюда необходимость и высокое значение явления, что человек может стать выше всех этих мелких интересов и привязанностей. Разве история не показывает нам, что в этих пустынях и монастырях воспитывались герои христианства, проповедники, совершавшие такие подвиги, какие были не под силу людям, остававшимся в обществе? Пусть человек, называющий себя историком, скажет, положа руку на сердце, что монашество даром приобрело важное значение и могущественное влияние на общество. Если же не даром, то для чего эти выходки против него, выходки против христианства за то, что оно произвело и осватило такое явление?

В заключение мы можем посоветовать одно нашим философам: не становиться на историческую почву – это для них крайне опасно.